

ПОМОГИТЕ, МОЙ МУЖ — КОТ-ОБОРОТЕНЬ!

Крис Франк

Крис Франк

Помогите, мой муж — кот-оборотень!

<https://litres.ru/74583339>

SelfPub; 2026

Аннотация

В свой тридцатый день рождения Ольга Волкова ожидала чего угодно, но только не того, что любимый мужчина бросит ее ради лучшей подруги.

Расстроенная его предательством, она возвращается домой, отменив вечеринку и поездку на маяк Анива с друзьями. По дороге спасает уличного кота от подростков-хулиганов и решает забрать его себе. Это решение меняет жизнь Ольги навсегда.

Ведь кот на самом деле заколдованный принц, и она единственная может его спасти. Только для этого понадобится совершить смертельно опасное путешествие, перехитрить владыку загробного мира и пройти испытание кумихо. Ах, да! И выйти за него замуж, само собой.

Крис Франк

Помогите, мой муж — кот-оборотень!

ГЛАВА ПЕРВАЯ. КОГДА ЖИЗНЬ РУШИТСЯ В ТВОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Ну что, с днём рождения меня.

После шести лет совместной жизни я ожидала от своего парня предложения. И последние три месяца Дэн был каким-то странным, взбудораженным, всё время отделивался от меня словами вроде «давай потом, очень занят, расскажу позже». Так что я подумала, что он решается на этот шаг, что-то готовит. Сюрприз. Тысячу раз обсуждала это с Машей, отмечая, что её тоже что-то гнетёт, но отмахивалась от этого, ведь она мне ничего про своё состояние не объясняла и говорить о себе не хотела.

Ах, какая же я дура!

Дэн готовился меня бросить и очень боялся скандала! В мой день рождения! Это надо же до такого додуматься! Да ещё и Маша!.. Мой парень и моя лучшая подруга! Оказа-

лось, они за моей спиной!.. Полгода уже!

Я просто хочу, чтобы вы поняли, в каком состоянии я была к вечеру того дня. Почему я восприняла всё, что со мной случилось после не состоявшейся деньрожденской поездки на маяк Анива, именно так - безразлично и легко. Почему я согласилась. Я понимаю, что это странно. Но после того, как Дэн и Маша...

Впрочем, давайте-ка всё по порядку.

По-хорошему, начать надо с того, что зовут меня Ольга Волкова. Именно Ольга, терпеть не могу, когда кто-то называет меня «Оля» или, того хуже, «Оль». В тот злосчастный (или счастливый?) день мне исполнилось тридцать лет. Я родилась и всю жизнь прожила в Южно-Сахалинске. Два года назад мамы не стало, а папа вскоре после её смерти уехал на Алтай, ухаживать за пожилыми родителями. Мы бы все вместе переехали, если бы мама... Нет, я на него не обиделась, не подумайте, он предлагал поехать с ним, к бабушке с дедушкой, которых мы навещали примерно каждые два-три года с самого моего десятилетия. Только я себя всегда ощущала на все сто процентов островной девчонкой и знала, что без моря жить не смогу. Так что я осталась.

У маминой семьи был собственный ресторан. После выпуска из СахГУ я около двух лет подрабатывала там официанткой, раздумывая, действительно ли хочу заниматься нефтегазовым делом (а именно такая специальность значилась в моём дипломе). Пока папа не начал возить туристов на экс-

курсии. У нас был катер всегда. Папа много лет работал на рыбозаводе и даже некоторое время после того, как там начались проблемы с банкротством. Рыбалку он любил и для души, меня к этому делу тоже приучил, и вывозил на Японское море, а ещё на маяк Анива, который я полюбила всей душой, может быть, за его неприкаянность и заброшенность, а, может, за ужасно романтический вид. И на охоту мы ездили не раз, и вообще я была очень-очень любимая папымамина дочка. Наверное, потому что поздняя и единственная, маме было тридцать пять, когда я родилась, а папа всего на три года её младше.

В общем, когда всем уже стало очевидно, что завод долго не протянет, с материка вернулся папин старый друг и предложил ему на двоих заняться экскурсионным бизнесом. И вот это для меня оказалось в точку.

Папа и Анатолий Иванович взяли на себя организационные обязанности, а меня неожиданно попросили разработать маршруты. Как «представителя молодого поколения», чтобы в нашем экскурсионном бюро каждый мог найти себе что-то по душе.

— Я же понимаю, что нужно мужикам нашего с Иванычем возраста, охота там, рыбалка, аргамаки, лыжи. Мама поможет с семейными программами, а ты вот для своих друзей что-то интересное выдумай.

Я выдумала. Потом сама же, вместе с Машей и её мужем Петей, проверила каждый задуманный тур. Это ведь не

так-то просто, сделать, чтобы всем хорошо было. Всё надо учесть: и длительность, и где остановки делать, и какие разрешения получать, и что взять с собой. И мне понравилось быть экскурсоводом. Моими первыми настоящими клиентами стали двоюродный брат Пети Олег, его невеста и четверо их друзей. Отмечали день рождения. Оказалось, что многие местные никогда не видели вблизи мыс Птичий и Клоковский водопад, не купались жаркими деньками в бухте Тихой и не собирали сахалинит.

— Так и я в Эрмитаж не ходил каждый день, когда в Питере жил, — сказал мне как-то с улыбкой Анатолий Иванович. — Кажется, и вообще не ходил. Привыкаешь же, даже когда просто долго рядом живёшь. А уж если оно всегда рядом, так и вообще, наверное, неинтересно может быть самому туда.

С Дэном я познакомилась, когда папа отправил меня «разведывать данные» на остров Монерон. Они с Анатолием Ивановичем хотели заключить контракт с другой экскурсионной фирмой, которая предлагала шикарные дайвинговые программы. Вот и поехала я плавать, а Дэн был инструктором. Вообще Даниэль Васильев, смешно немножко звучало, и он сразу попросил «только Дэн», как и я стала для него «только Ольгой». Вне сезона он работал сисадмином в одной крупной энергетической компании, снимал двушку в Южном, а родители его жили в Корсакове. Через полтора года предложил съехаться и строил весёлые планы: накопим на собственную квартиру, тогда поженимся, а примерно в трид-

цать заведём первого ребёнка, чтобы ещё хватило времени для второго и третьего, и чтобы между ними не сильно большая разница в возрасте была, тогда точно будут дружить.

Не сказать, что я млела от счастья все семь с половиной лет, пока мы были вместе... Но ведь было оно, это счастье, было! И мечты, и планы.

И вот, всё кончилось.

В свой день рождения я проснулась одна. Дэна друг пригласил на мальчишник, и мы заранее договорились, что, конечно, он пойдёт.

Мне хочется думать, что я «как чувствовала», но нет. Утро я встретила в приподнятом настроении, сразу включила музыку, подпевала. Выпила кофе со сливками, умудрившись добавить ровно столько, что вкус вышел идеальным. Вчерашние макароны с сыром показались такими вкусными, каких я никогда не ела. Деловитым взглядом окинула квартиру перед тем, как уходить — всё выключено, всё на своих местах, уборку сделаю через два дня.

Если бы мне в тот момент кто-то сказал, что я больше никогда туда не вернусь, я рассмеялась бы ему в лицо.

Первым делом я поехала на кладбище.

— Я пришла, мама.

Как положено, совершила три поклона, трижды налила соджу в небольшую походную рюмочку и трижды вылила во круг могилы. Подрезала пионы, любимые мамины цветы, и установила в специальную подставку. Думала, как же мне её

не хватает. В детстве я больше времени проводила с папой, а вот после университета, чем старше становилась, тем больше близости находила в ней. С каждым доверительным разговором обнаруживала что-то новое, с каждым днём любила всё сильнее. И когда она заболела, когда я сама ухаживала за ней, не отдавая на откуп сиделке, порой даже папу отодвигая, только и могла, что плакать по ночам от острой несправедливости и страха неизбежной потери. Как много осталось того, что я теперь о ней никогда не узнаю!..

— Знаешь, мама, кажется, Дэн сделает мне предложение. Я тебе потом обязательно расскажу, как это было.

Приложила кончики пальцев к губам, а затем, на мгновение, к могильной плите, где под датами и именем высечены палочки для еды. Символ того, чему мама посвятила жизнь. Она была лучшим шеф-поваром в мире не потому, что ей нравилось готовить, а потому, что нравилось кормить, делать людей сытыми и счастливыми.

— Вкусная еда — простое и полезное удовольствие не только для тела, но и для души, — она всегда так говорила.

Ещё немного постояла в тишине и отправилась в ресторан к бабушке и дедушке, где дожидался накрытый стол в уютном укромном уголке большого зала. Уставленный моими любимыми закусками в нарядных золотистых и красных мисках. Здесь были пикантные свиные ушки и острая капуста кимчи со свиной, пулькоги из тонко-тонко нарезанной курятины, хе из говядины с варёными яйцами, и, на-

конец, листья папоротника. На большом блюде горкой лежали небольшие рисовые лепёшки. Как же захотелось есть!

Нет, нет, ничто не предвещало.

Это там случилось. После того, как семья меня сдержанно поздравила и оставила ждать друзей.

Завибрировал смартфон. На экране отразилось фото Дэна.

— Привет! Горячие закуски стынут, а холодные нагреваются, ты где?

Он даже меня не позддравил.

— Оль, я...

И это ненавистное «Оль».

— Я решил, что должен тебе сказать. Мы решили.

— Что сказать? И кто «мы»?

— Мы с Машей решили. По-другому никак не получится. Мы должны, потому что это всё уже становится... В общем, это будет правильно.

В груди стало тесно, голова закружилась, как от недостатка воздуха, перед глазами запрыгали чёрные мушки.

Не похоже, что он собирается меня поздравлять, или, тем более, делать предложение руки и сердца.

— Я вообще не понимаю, о чём ты. И ты же знаешь, что я терпеть не могу, когда...

Дэн не дал мне договорить.

— Нам надо расстаться, Ольга.

Правду говорят о земле, которая уходит из-под ног, о раз-

верзнутой бездне, которая тебя поглощает. Мне показалось, что в зале ресторана стало темно.

— Ты что несёшь? Ничего нам не надо!

Хотелось прокричать эти слова, но из губ вырвался только шипящий шёпот. Я придержала смартфон плечом, схватила графин с соком и налила почти полный стакан. Руки дрожали, стекло издавало мелодичный звон. Вкуса сока я не почувствовала.

— Ты с ума сошёл?

Или я сошла?

— Я уже давно, ну, испытываю чувства, знаешь... Мне уже давно нравится Маша. Хочешь, она тебе тоже сейчас позвонит? Это будет справедливо, если ты услышишь правду от нас обоих. Тем более, раз ты ожидаешь, что я на тебе женюсь. Это будет слишком жестоко, ничего тебе не говорить.

Справедливо? Значит, я ожидаю, что он на мне женится? Это Маша ему сказала? Она передавала ему наши с ней разговоры? Я доверяла ей! Я считала её лучшей подругой!

— Давно?

Я чуть было не выронила смартфон, так сильно руки тряслись. На меня попеременно накатывали волны жара и холода.

— Полгода уже. Но мы не... Ты не подумай, мы не...

— Не трахались у меня за спиной, ты это хотел сказать?

— Это грубо звучит, но да. Мы только общались, не знали, что делать.

Что делать? Уж точно не портить мне день рождения! Уж точно не молчать полгода и «общаться» у меня за спиной, перемалывая мне кости!

— А Петя как же? Маша так-то замужем, ничего такого, да?

Я не знала, что говорить. Не знала, что думать. По лицу текли слёзы и мне было плевать, что ресторан полон людей, и все видят, в каком я состоянии. Дэн меня бросает? Дэн меня бросает! Не может этого быть!

— Ну, это к тебе отношения не имеет. С Петей мы уже поговорили.

— Надеюсь, он врезал тебе от души! — выкрикнула я и прервала звонок.

Смартфон с оглушительным стуком упал на стол. И через пару минут снова завибрировал. Мне звонила Маша. Я не раздумывала и секунды.

— И что такое мне Дэн сейчас рассказал?

— Ольга, я очень-очень тебе сочувствую, но любовь такая вещь, что...

— Не смей! Не смей так со мной говорить! Ты Дэну рассказала, как я мечтаю, что мы наконец поженимся! Ты ему НАШИ разговоры передавала! Пошла ты!.. И подавись, поняла! Только подруг больше заводить не вздумай, вдруг нарвешься на такую же суку, как ты сама!

Я снова бросила смартфон на стол. Попыталась успокоиться, выпила ещё сока. От вида моих любимых закусок ме-

ня затошнило. И вовремя пришла мысль о гостях. Я-то, как всегда, приехала сильно заранее, хотела, чтобы мы с Дэном поговорили немного наедине. Скоро начнут прибывать все остальные и мне станет совсем невыносимо.

Я пошла в туалет, хорошенько умылась ледяной водой, пристально посмотрела в глаза своему отражению в зеркале. Веки припухли — у меня аллергия на какие-то вещества, которые содержатся в слезах, я постоянно ношу с собой антигистаминные, так что проглотила две таблетки насухую и ещё плеснула воды в лицо. Теперь, пожалуй, я выгляжу немного мрачно, но так нельзя догадаться, что мой мир рухнул всего мгновения назад.

Снова Дэн звонит. Вдруг он всего лишь пошутил? Ну, глупо, жестоко, просто пошутил, и жизнь останется прежней, и мы...

— Что?

— Я хотел бы, чтоб ты знала: если с Машей что случится, я за себя не отвечаю.

Бросил трубку. А меня пробила крупная дрожь. Он... угрожал мне? Нет, если бы сегодня Маша явилась сюда, я бы просто ей врезала. И, уж конечно, ей с ростом метр шестьдесят и весом пятьдесят килограммов нечего мне противопоставить. Я же кобыла на двадцать сантиметров выше и двадцать пять килограммов тяжелее. Да, от неожиданности и внезапной боли я могла её ударить, но не выслеживать, чтобы избить намеренно! Вот, значит, как Дэн обо мне думает?

А он меня вообще когда-то любил?

Слёзы снова потекли. Всё умывание насмарку. И время идёт. Надо быстрее написать в чат «Днюха», чтобы никто не пришёл. Я сделала это, то и дело смаргивая едкую солёную жидкость. Написала, что плохо себя чувствую, что всё отменяется, что напишу позже, что мы ещё погуляем. И сразу после моего сообщения из чата вышли Дэн, Маша и Петя.

Не помню, как попросила официантку завернуть закуски с собой, как отменила заказ на горячее и попросила только один кусок из торта. Кажется, сказала всё остальное разделить на персонал ресторана. Как объяснила, что ухожу, и друзья не придут? Честно? Не помню. Всё как в тумане.

Очнулась в машине, на парковке, под один из моих любимых совместных треков Лжедмитрия, Аспера и Дипа — «Эпитафия»:

— То ли бред, то ли сон, то ли смерти лицо

Вижу свет и навстречу до кессонной.

В крови последний кислород — он пузырьками ставший.

Пока жизнь вокруг кипит, я в ней сварен заживо.

Издавательский смех, что в ушах звенит.

Я – инструмент! Меня кто-то прописал как скрипт!

И, заперев меня в клетке шахматной доски,

Сказала смерть: я не смею помешать, прости...

Очень в тему, очень удачно. У меня случилась истерика, и я била руками по рулю почти в такт речитативу, кричала, перекрывая музыку.

Успокоившись, обретя способность мыслить более-менее ясно (и истратив миллионы бумажных носовых платков), я вырубил музыку и опухшими глазами невидяще уставилась в лобовое стекло.

Брошенный на переднее пассажирское сидение смартфон безостановочно вибрировал, демонстрируя фото ненавистного Дэна. Чего ему ещё надо? Впрочем, ясно, чего. Наверное, он хочет, чтобы я собрала вещи и съехала с нашей, — нет, его, его! — квартиры. А я сейчас не смогу, не смогу, не смогу... Прийти туда, где все вещи лежат так, будто ничего не случилось, собирать чемодан, думать, брать ли с собой его подарки. В конце концов, это жестоко! Это больно.

Как мог он так со мной поступить?! Как могла Маша? И почему от её предательства больнее, чем от того, что он сделал?

Не поеду я туда. Как хорошо, что я пока не нашла квартирантов для родительской квартиры! Как хорошо, что каждые две недели провожу там время по выходным. Там есть мои вещи, там есть рабочая «умная» колонка, даже продукты, из тех, которые быстро не портятся, там есть. Я поеду туда. И пусть Дэн делает, что хочет! Я заберу всё из нашей, — его! — квартиры, как только найду в себе силы смотреть ему в глаза. Или попрошу кого-нибудь из друзей... А вдруг они знали? Вдруг тайно хихикали надо мной, или жалели, или... Невыносимо! Почему это случилось именно со мной? Разве я заслужила?

Я и не заметила, как подъехала к родному подъезду, припарковалась и вышла из машины. Замерла нерешительно. Кажется, я что-то забыла...

И тут услышала душераздирающий кошачий вопль.

В отдалённом углу двора, неподалёку от скамейки и чахлого кривого тополя, несколько подростков сидели на корточках, сгрудившись над огромной серой кошкой. Пожалуй, это норвежская лесная, уж больно большая и пушистая. Или мейн-кун. И, кажется, это кот, а не кошка.

Подростки его мучили.

Я двинулась к ним.

— Эй, а ну-ка разошлись, малолетние придурки! А если вас так, а? Давайте-ка я вам щас руки повыворачиваю, сволочи!

Они тут же вскочили и бросились врассыпную. Ещё бы, испугались. На них надвигалось нечто огромное, одетое в камуфляжные штаны и плотно застёгнутую косуху, с короткой стрижкой, опухшим от аллергии лицом и хриплым от истерики голосом. Они, наверное, приняли меня за пьяного десантника. А как ещё, скажите мне пожалуйста, я должна была одеться, собираясь выезжать на природу? В бальное платье? В другой раз мне было бы обидно, тем более, если учесть, что меня только вот бросил парень, уйдя к миниатюрной, очень женственной, моей бывшей лучшей подруге. Но сейчас я порадовалась. Из головы разом вымело все мысли о предательстве Дэна и Маши, я хотела спасти кота.

Я присела рядом с ним на корточки. Кот дворовый, бездомный, роскошная когда-то шерсть свалялась и потускнела, он дышал открытой пастью, может, от страха, может, хотел пить. Я медленно протянула к нему руки.

— Я тебя не обижу, я только посмотрю, вдруг они тебе что-то сломали.

Казалось, кот понял, и не сопротивлялся. Он вытерпел мой не слишком умелый осмотр, ни разу не завопив от боли. Значит, конечности и хвост целые, я успела вовремя.

— Знаешь, что? — сказала я, встав. — Я тебя забираю. Надо только заехать в зоомагазин, купить кое-что. Ну, шампунь от блох, чесалку, кусачки, лоток... Много всего получается, но ничего страшного. Сделаем тебя снова шикарным котом.

Если бы я тогда знала!.. А что бы изменилось?..

Глаза у него были какие-то странные, мне показалось, что таких глаз у кошек вообще не бывает. Ладно зелёные, голубые, жёлтые. А у него были карие. Немного жутко смотрелось, по правде говоря.

Я взяла кота на руки, вслух посетовав на вес около десяти килограммов, если не больше, и отнесла в машину. На поездку в зоомагазин пришлось потратить кучу времени, наступил самый пик пробок. На пассажирском сидении время от времени вздрагивал от вибрации смартфон, пока я не поставила режим полёта. Это всё Дэн звонил, ну и пусть его. Я не буду с ним разговаривать. Я не знаю, что ему сказать, и

не хочу выслушивать то, что собирается говорить он.

Вернувшись домой, я развела бешеную активность: помыла и вычесала терпеливо молчащего кота под бодрую музыку, приняла душ сама, красиво сервировала себе ужин сплошь из ресторанных закусок, позвонила папе, делая вид, что всё в порядке.

Свежевымытый, высушенный феном и тщательно расчёсанный кот внимательно следил за мной своими пугающими глазами. Шёрстка у него и правда оказалась роскошной, хоть и пришлось выстричь несколько колтунов — серо-голубоватая, дымчатая, длинная, на ушах торчали небольшие кисточки, а хвост походил на метёлку для снятия пыли.

Раскладывая на кухне миски, я поняла, что кошачьей еды не купила. Вот балда! Снимать любимый халат, — надев который я наконец перестала чувствовать себя пьяным десантником, некрасивой и неженственной, — одеваться в уличное, куда-то идти было откровенно лень.

— Интересно, если я тебе дам кимчи со свиной, тебе не станет от этого плохо?

— Я люблю кимчи со свиной, хотя, конечно, обычному коту такое есть не стоит. Если вы угостите меня ещё свиными ушками, я буду очень вам благодарен. Это моя любимая закуска.

Сердце пропустило удар или два. Я медленно обернулась, нашарила на столе нож.

— Кто здесь?

— Всего лишь я. Прошу вас, не бойтесь меня.

Это говорил кот. Пасть у него оставалась закрытой, но низкий бархатный мужской голос отчётливо звучал в кухне. И его глаза... они хранили выражение куда более осмысленное, чем у животного. Они выглядели по-человечески.